

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Научно-просветительская конференция Великая война и Русское Зарубежье

Краткое содержание докладов участников конференции (в алфавитном порядке авторов)

О.Е. Алеев

*научный сотрудник Научно-исследовательского
института военной истории Военной академии*

Генерального штаба Вооруженных Сил РФ

Стратегическое планирование Российской империи перед Первой мировой войной в оценках русской военной эмиграции

Труды по истории русского плана войны, введенного в действие в 1914 г., написанные авторами из числа эмигрантов, представляют значительный интерес для изучения стратегического планирования в России в конце XIX — начале XX в., т.к. некоторые из этих авторов играли не последнюю роль в подготовке России к Первой мировой войне. Отличительной особенностью этих работ является беспристрастность. Кроме того, по понятным причинам в этих исследованиях не использовались архивные материалы.

Историки Русского Зарубежья, обращавшихся в своих работах к проблемам стратегического планирования, также, как и советских авторов, можно разделить на критиков и апологетов. К числу представителей апологетического направления следует отнести Ю.Н. Данилова, бывшего генерал-квартирмейстера Генерального штаба и одного из главных архитекторов плана войны России. Из прочих авторов, рассматривавших в своих работах историю русского плана войны, выделим Н.Н. Головина, С.К. Добророльского, В.Н. Доманевского и А.А. Керсновского. В выступлении предполагается охарактеризовать и проанализировать оценки эмигрантских авторов плана войны России и его значения для исхода первых операций Великой войны в августе-сентябре 1914 г. Также предполагается сравнить выводы авторов Русского Зарубежья с выводами советских и современных российских историков, а также иностранных исследователей и оценить вклад эмигрантских авторов в изучение стратегического планирования Российской империи перед Первой мировой войной.

А.Б. Арсеньев

Белградское сербское издание «Кровь Славянства: Памятка по случаю десятилетия с начала Великой войны, 1914–1924»

Среди ряда книг — исторических, военных, мемуарных, фотоальбомов, поэтических сборников, — посвященных Великой войне 1914–1918 гг., изданных в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в 1924 г. в Белграде вышла юбилейная памятка «Кровь Славянства». Ее составителем и редактором был журналист Алексей Иванович Ксюнин (1882–1938), бывший военный корреспондент, русский эмигрант и видный общественный деятель в Белграде.

В памятке представлено семь статей сербских политиков, военных и историков, и две статьи россиян: Е. Егорова («Судьбоносное десятилетие») и самого А.И. Ксюнина («Россия в военные годы»).

Особое внимание в сборнике заслуживают зарисовки белградского педагога и историка Миленко Вукичевича «Петроград в начале Великой войны». В июле 1914 г. он оказался в российской столице и вел дневник, в котором живо описал уличные беспорядки рабочих (в начале месяца), массовые патриотические демонстрации и настроения жителей города (после объявления войны).

*О.Н. Баркова, к.и.н.,
доцент Высшей школы государственного аудита
МГУ имени М.В. Ломоносова*

«Сестры милосердия» русского зарубежья

Первая мировая война 1914–1918 гг., начавшаяся с небывалого патриотического подъема в России, возродила традицию милосердия в стране. Среди тех, кто вступил в ряды сестер милосердия были и многие представительницы дворянских родов России. Известно, что к 1915 г. в России существовали 115 общин сестер милосердия, находившихся под покровительством матери Николая II императрицы Марии Федоровны. В 1916 г. по официальным спискам на фронт было отправлено 17436 сестер, которые обслуживали более двух тысяч полевых и тыловых учреждений Красного Креста: 71 госпиталь (рассчитаны на 44600 человек), этапные и подвижные лазареты, 11 санитарных поездов, перевязочные пункты, два плавучих госпиталя на Черном море, три бактериологические лаборатории и др.

Одной из тех, кого события Первой мировой войны и патриотический долг призвал в ряды сестер милосердия, была великая княгиня Мария Павловна, которая отправилась на фронт вслед за полком, где служил ее брат Дмитрий. На протяжении 2,5 лет войны она добросовестно исполняла обязанности сестры милосердия в Псковском военном госпитале.

Заметный вклад в благотворительную и просветительскую деятельность русского зарубежья внесли княгиня М.П. Демидова, под личным покровительством которой находился «Национальный дом для помощи инвалидам князя Абамелек-Лазарева», оказывавший посильную материальную помощь семьям русских эмигрантов и инвалидам-участникам Первой мировой войны.

Существенную поддержку военным инвалидам в начале 1920-х гг. в эмиграции предоставляла и княгиня З.Н. Юсупова, возглавлявшая местное отделение Российского Общества Красного Креста в Риме.

Таким образом, женщины русского зарубежья, составлявшие меньшую часть эмиграции, играли чрезвычайно важную роль не только в деле сохранения национальной памяти о Великой войне 1914–1918 гг., но и в бережном отношении к ее живым участникам – солдатам, офицерам и военным инвалидам, проявляя лучшие черты русского национального характера: великодушие и способность сострадать ближнему.

*Е.В. Бей, к.и.н.,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной Академии ГШ ВС РФ*

Безвестная смерть в эмиграции: бывший военный министр генерал-адъютант В.А. Сухомлинов

Массовая эмиграция тесно связана с историей России начала XX в. Первая мировая война, революции, крушение политических режимов явились причинами переселения миллионов граждан бывшей империи. Одним из таких эмигрантов стал бывший военный министр генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов. В разгар Первой мировой войны — 11 июня 1915 г. по указанию Николая II он был снят с должности и шесть месяцев провел в заключении в Петропавловской крепости. После февральской революции Временное правительство вновь арестовало его, а чуть позже и его супругу, чтобы с 10 августа по 12 сентября провести показательный судебный процесс. На Сухомлинова свалили все недостатки подготовки России к войне, объявив его ни много, ни мало — «германским шпионом». Суд признал доказанными девять из десяти предъявленных обвинений, включая измену, и приговорил экс-министра к полной утрате прав и бессрочной каторге. Екатерину Сухомлинову присяжные полностью оправдали.

Выяснение истины и настоящая оценка личности военного министра еще впереди. Сейчас несомненно одно: В.А. Сухомлинов многое сделал для пользы русской армии. При нем Военное министерство было наиболее творческим и результативным по количеству коренных реформ в армии — в сравнении с деятельностью предшественников. Но если о государственной и военной деятельности Владимира Александровича можно судить по многочисленным архивным

документам, то об эмигрантской жизни опального министра нам практически ничего не известно. Не удивительно, что ограниченность в достоверной документальной информации, в свою очередь, привела к многочисленным неточностям, ошибкам и искажениям исторических фактов, которые до сих пор можно встретить в отечественной и иностранной литературе.

Освобожденный из заключения после октябрьской революции, он почти через год смог бежать в Финляндию. Владимир Александрович просил разрешения местных властей остаться в новом финском государстве, так как его материальное положение не позволяло предпринимать далекое путешествие. С 24 сентября по 8 октября он находился в Терийоках, в ожидании ответа на запрос и связанные с этим формальности. Судя по вышедшим в Гельсинфорсе нескольким небольшим очеркам Владимира Александровича логично предположить, что в Финляндии он пробыл несколько лет вплоть до 1920 г. Средства для существования он добывал личным трудом, как уже понятно — литературным.

Переехав и окончательно обосновавшись в Германии, Владимир Александрович в одиночестве заканчивал свой век на чужбине. Практически вся эмиграция отошла от генерала, и мало кто из русских поддерживал отношения с бывшим министром. После его кничины газета «Последние новости» писала: «Теперь, уже над могилой генерала Сухомлинова, надо еще раз повторить то, что дало следствие: Сухомлиновской измены не было... Во многом Сухомлинов будет обвинен, но уже и теперь можно сказать, что на вопрос об его измене ответом истории будет “нет, не виновен”».

В последние годы своей жизни Сухомлинов, озлобленный несправедливостью по отношению к нему, решил реабилитироваться. В своих трудах, написанных «по памяти», он не стеснялся в выборе слов и фраз в критике своих недругов не исключая и лиц императорской фамилии. Как следствие, эти работы не только не реабилитировали Владимира Александровича ни за рубежом, ни в России, но еще больше усилили критические отзывы, звучащие в его сторону.

*Н.Н. Бендик, к.и.н.,
доцент Хабаровского государственного
института искусств и культуры*

Документы об участниках Великой войны в фондах харбинской эмиграции

Великая война 1914–1918 гг. глубоко проникла во все сферы жизни стран и народов, ее опыт остался как огромный пласт человеческого бытия в условиях войны, который изучался, анализировался, использовался на протяжении нескольких десятилетий. Свидетельством этого являлась гражданская война и деятельность участников войны в русском зарубежье, в частности, в его восточной ветви. Документальные комплексы, сохранившиеся в российских и зарубежных архивах, позволяют нам воссоздавать картины 1920-1940-х гг. Один из таких комплексов был вывезен в 1946 г. в г. Хабаровск группой советских архивистов во главе с лейтенантом НКВД, руководителем архивной службы Хабаровского края В.И. Чернышевой. Они находились на секретном хранении до 1988 г., затем были рассекречены и активно стали вводиться в научный оборот. На сайте архива есть база данных Бюро по делам русской эмиграции (БРЭМ), с которой может ознакомиться любой желающий. Среди 60 тысяч фамилий есть и имена участников Великой войны, они составляют, по предварительным подсчетам, около 65% от всех имеющихся личных дел эмигрантов. Надо учесть, что дела начали заводиться с 1934 г., с момента создания БРЭМ. На 1922 г. они составили бы гораздо больший процент.

Весь комплекс материалов под условным названием «Харбинская россияка» состоит из двух частей. Первая часть — 10 документальных фондов, содержащих 964 дела и 50039 личных дела эмигрантов, переданных из архива ФСБ. Вторая часть — печатные издания — 224 газетных сшива (13 наименований), 232 экземпляра журналов, бюллетеней, сборников, календарей (62 наименования), 402 экземпляра книг (244 наименования).

Научные изыскания, проведенные российскими и иностранными исследователями, показали, что эмигрантское общество в Северной Маньчжурии было очень пестрым и по социальному составу, и по материальному положению, и по политическим взглядам. Однако их во многом объединяло отрицательное и даже враждебное отношение к советской власти и ее политике, стремление к реваншу и возрождению прежнего строя. Исследователи единодушны в том, что в

эмигрантской среде преобладали военные. Они преобладали численно и в активности действий, быстро создавали объединения, проявляли инициативу, выработали программы действий и т.п.

Анализ архивных фондов показал, что прямые указания на участников Первой мировой войны есть в четырех основных фондах — «Союз казаков на Дальнем Востоке» (Ф. Р-829), «Харбинский комитет помощи русским беженцам» (Ф. Р-1128), «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» (Ф. Р-830), «Правление Харбинской трудовой артели инвалидов» (Ф. Р-1497). Одни из них дают представление о том, как использовали свой военный опыт ветераны войны в создании военных союзов, боевых подразделений, воспитании молодежи, решении политических и военных задач, другие — дают возможность узнать более подробно биографические данные, получить сведения о членах семьи, наградах, полученных в годы Великой войны, факты из боевого прошлого профессиональных военных, их жизнь и деятельность в эмиграции.

*З.С. Бочарова, д.и.н.,
профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению
глобальных проблем факультета глобальных
процессов МГУ имени М.В. Ломоносова*

Судьба комбатантов за границей (по материалам их писем начала 1920-х гг.)

В ходе Великой войны за пределами родины оказались тысячи россиян, которые не являлись собственно эмигрантами, это — военнопленные и интернированные, солдаты и офицеры русского экспедиционного корпуса во Франции.

Значительная часть этой массы оказалась во Франции, к ним присоединились чины белогвардейских частей, эвакуированных в апреле 1919 г. из Одессы, военнопленные Первой мировой войны, перебравшиеся с территории Германии. Многие попали во французский иностранный легион. В легион шли чаще всего от безысходности, по причине материальных лишений. К середине 1920-х гг. через французский иностранный легион прошли более 10 тыс. россиян, значительная часть которых влилась в его ряды в результате революций 1917 г. в России и эмиграционных волн.

Служба в иностранном легионе была попыткой вырваться из ада военных лагерей Константинопольского района после Крымской катастрофы (ноябрь 1920 г.), альтернативой голодной смерти или самоубийству. Вербовка осуществлялась при непосредственном участии французской военной разведки (Deuxieme Bureau). Чрезвычайно тяжелые условия службы в иностранном легионе подталкивали обращаться в эмигрантские организации, занимавшиеся судьбой русских военных чинов, интернированными, с просьбами добиться от французского правительства содействия в возвращении на родину, досрочном окончании пятилетнего контракта. Не выдержав униженного положения, многие легионеры дезертировали, несмотря на жестокие преследования французских властей. О положении легионеров мы узнаем из их же писем.

Из-за передела власти в России забота о судьбе комбатантов оказалась на обочине государственных интересов. Оставаясь вне своей страны, без поддержки и защиты Отечества, военного командования и оказавшись заложниками политических событий, разменной монетой в руках политиков, комбатанты сталкивались с целым рядом проблем, не зная, к кому обратиться за помощью.

На защите интересов русских солдат стоял, в частности, подотдел о военнопленных и интернированных Исполнительной комиссии совещания членов Учредительного собрания во главе с О.С. Минором. Письма, направленные в его адрес, живописуют те условия, в которых жили военнопленные, их нужды, запросы. В первую очередь их интересовало, какими путями возможно попасть на родину, как легализоваться, получить паспорт вместо военного удостоверения, как заключить брак. А также просили прислать литературу, журналы, газеты.

Таким образом, письма участников Великой войны свидетельствуют о частной жизни на чужбине, о судьбе родины, об отношении союзников к тем, кто выручал их в трудную минуту на фронтах.

А.В. Ганин, д.и.н.,

Пражский кружок по изучению Первой мировой войны

Важную роль в изучении истории Первой мировой войны сыграли различные эмигрантские организации и общества. Одной из ныне забытых организаций был пражский кружок по изучению Первой мировой войны, функционировавший при Русском народном университете в Праге в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг.

Комитет слушателей Русского народного университета в Праге 20 мая 1927 г. ходатайствовал перед ректором об учреждении кружка для изучения войн, веденных Россией за освобождение славян и других народов, для изучения участия России в мировой войне, а также современного состояния военного дела, военной науки и техники. Согласие ректора было получено. Кружок возглавил генерал М.А. Иностранцев.

24 сентября 1927 г. состоялось первое организационное заседание, образовавшее совет преподавателей кружка, ставший его руководящим органом. Кружок объединил участников Первой мировой войны и тех, кому интересно было изучение ее истории. Заседания кружка проходили трижды в месяц. На них читались доклады, выступали участники войны, видные военачальники, порой приезжавшие из других стран. Организовывались экскурсии по местам сражений.

Видный военный ученый русского зарубежья генерал Н.Н. Головин рассчитывал, что вокруг кружка возникнет ячейка его военно-научных курсов, однако дело не заладилось. В 1930 г. при кружке действительно открылись низшие курсы прикладных военных знаний, но уже в мае того же года они закрылись. В начале 1931 г. на базе кружка были созданы высшие военно-научные курсы, а в программу кружка внесены изменения с акцентом на подготовке офицеров. К июню 1931 г. стало ясно, что пражские курсы не в состоянии работать по той же программе, что и парижские курсы Головина. Генерал Иностранцев 15 октября 1931 г. покинул пост руководителя кружка и оставил курсы. Последующие годы, когда сменилось несколько руководителей кружка и прекратили свое существование курсы, стали временем упадка этой организации.

*А.А. Зубарев,
Директор Медицинского музея
Севастопольского морского госпиталя*

Севастопольский морской госпиталь (в эмиграции — 2-й госпиталь РОКК, Мелине, Королевство СХС), как основоположник медицинской сортировки раненных в ходе морских сражений Первой Мировой войны

В ноябре 1920 г. Севастопольский морской госпиталь в рядах Русской армии П.Н. Врангеля практически в полном составе и со всем имуществом на транспорте «Кронштадт» убыл в Константинополь. В Константинополе все медицинские учреждения были переданы под управление Российского Общества Красного Креста (РОКК). В дальнейшем госпиталь стал называться «2-й госпиталь РОКК» и был развернут в городе Мелине, на побережье Бока Которского залива Королевства Сербов, Хорватов и Славенцев. Руководил его работой, как и в Севастополе, Е.К. Яблонский. В России же госпиталь стал основоположником многих передовых методов оказания помощи раненым.

Так, впервые в истории Российского Императорского флота в Севастополе 10 августа 1909 г. были проведены санитарные маневры. Основной задачей маневров являлась практическая проверка пригодности «путевых ярлыков для раненных» при организации морской медицинской эвакуации. На санитарных маневрах также изучались многочисленные вопросы: организация медицинской деятельности на кораблях в бою, осуществление морской медицинской сортировки, эвакуации и медицинского обеспечения военно-морских портов.

Разработанные комиссией русских морских врачей и практически испытанные в ходе санитарных маневров Черноморского флота «путевые ярлыки для раненных» на IX Международной конференции Красного Креста в Вашингтоне в мае 1912 г. были признаны

международными. В 1914 г. они были введены на кораблях военно-морских флотов не только России, но и многих других морских держав. В несколько измененном по форме (но неизменные по содержанию) они до настоящего времени применяются практически во всем мире.

На протяжении столетия, прошедшего с начала Первой Мировой войны, использование опыта, приобретенного многими поколениями военных и военно-морских врачей по оказанию медицинской помощи раненым, позволило спасти жизнь десяткам, а может быть и сотням тысяч участников военных конфликтов. И в 1920-х гг. этот опыт не потерял свою актуальность в оказании помощи врачами Севастопольского морского госпиталя беженцам в вынужденном изгнании за пределами нашей Отчизны.

*М.В. Кротова, к.и.н.,
доцент кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета*

Офицеры – участники Первой мировой войны в эмиграции в Маньчжурии: герои и антигерои

К сожалению, большинство биографических сведений об офицерах Первой мировой войны в справочниках заканчивается фразой: «В эмиграции в Харбине», не давая никаких подробностей. Между тем, деятельность военной эмиграции в Маньчжурии (по разным оценкам в 1920-х гг. в Маньчжурии находилось около 20 тыс. военных чинов, из них около 5 тыс. офицеров) изобиловала различными сюжетами, часто довольно драматичными.

Маньчжурия, благодаря обширной границе с СССР, была возможным плацдармом для антисоветского (антибольшевистского) движения в дальневосточных русских областях. Потому к военной эмиграции был повышенный интерес как у европейских эмигрантских организаций — РОВС, БРП, КИАФ, ТКП, Высший монархический совет, — так и у советских дипломатов и разведывательных органов, а также местных китайских властей и Японии. Все хотели использовать военную эмиграцию в своих целях, втянуть в сложную политическую игру, поэтому каждому из офицеров приходилось делать свой непростой выбор. Атмосфера всеобщей подозрительности и шпиономании не способствовала сохранению репутаций, понятия чести, порядочности размывались под влиянием местной атмосферы.

В настоящем докладе на основе материалов из АВП РФ, ГА РФ, ГАХК, РГИА, архива генерала Д.Л. Хорвата, Бахметьевского архива хотелось бы уточнить детали биографий и проследить различные стратегии поведения офицеров — участников Первой мировой войны: сопротивление и «активизм», служба в китайской армии, сотрудничество с советской властью, отход от политики, выживание и самосохранение. Часто в одной судьбе соединялись разные сценарии, а «герои» и «антигерои» менялись местами.

*А.С. Кручинин,
Заведующий Отделом военно-исторического наследия Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*

«Последний конный бой мировой истории» 8/21 августа 1914 г. и его изучение в русском военном зарубежье

«Пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно», водивший в бой свою конницу «вовсе не рисуясь, — это выходило само собой, — эффектно и красиво, как на батальных картинах старой школы», — так вспоминал о выдающемся русском военачальнике генерале графе Ф.А. Келлере (1857–1918) генерал А.И. Деникин, сам герой Великой войны. И по-своему справедливо, что именно Келлеру было суждено, «как на картине старой школы», повести вверенную ему 10-ю кавалерийскую дивизию в столкновение с противником 8/21 августа 1914 г., которое было названо современниками «последним конным боем мировой истории».

Лобовое столкновение с австрийской 4-й кавалерийской дивизией генерала Э. Зарембы выявило как слабые, так и сильные стороны противников, продемонстрировало «глазомер, быстроту и натиск» графа Келлера, стало яркой страницей кампании 1914 г. Неудивительно, что и

годы спустя, в эмиграции, оно привлекало к себе пристальное внимание участников тех событий и их соратников по Великой войне — как с русской, так и с австрийской стороны.

Оживленная дискуссия, в частности, была вызвана посвященной этому бою брошюрой полковника А.В. Сливинского, в каком-то смысле слова инспирированной генералом Н.Н. Головиным, а затем и статьей последнего в белградском «Военном сборнике». Особый интерес вызывает большое количество свидетельств участников боя, откликнувшихся на публикацию и внесших значительные уточнения в нарисованную в ней картину. Обсуждение обстоятельств боя выявило две характерных черты русского военного зарубежья 1920-х гг.: преданность своей воинской части и забота о сохранении ее истории — и обращенность военных исследований не «назад», в прошлое, а «вперед» — как основание для разработки новых доктрин, тактики и принципов применения будущей русской вооруженной силы.

*Кузнецов Н.А., к. и. н.,
ведущий научный сотрудник Отдела
военно-исторического наследия Дома
русского зарубежья им.
А. Солженицына*

Материалы по истории Российского флота в период Великой войны 1914–1918 гг. в собрании Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Дом русского зарубежья в настоящее время является одним из крупных архивохранилищ, в фондах которого содержатся материалы, отражающие самые разные стороны жизни русской эмиграции. Важной частью собрания являются документы, относящиеся к военно-историческому наследию, в том числе к участию Российского флота в Первой Мировой войне.

В фонде 001 находятся воспоминания адмирала П.П. Муравьева, занимавшего в годы Великой войны должности начальника Главного управления кораблестроения, помощника морского министра. Интересными источниками являются воспоминания ближайших родственников двух контр-адмиралов, активно участвовавших в Великой войне адмиралов и погибших в 1917–1918 гг. от рук своих соотечественников — А.П. Капниста и М.И. Каськова. В фонде 032, помимо личных документов, имеются воспоминания капитана 1 ранга (впоследствии контр-адмирала) С.В. Евдокимова, занимавшего в годы войны должность начальника Отряда заградителей Черноморского флота. Фонд 085 представлен личными документами флагманского врача 2-го отряда траления мин Балтийского моря А.А. Солонского. Массу интереснейших документов, относящихся к деятельности историка и журналиста В.В. Лобыцына содержит фонд 058 (в настоящее время находится в обработке). Среди них — фотографии, рукописи воспоминаний, обширная переписка В.В. Лобыцына, много лет занимавшегося увековечением памяти моряков Российского флота и возвращением на Родину наследия Русского Зарубежья. В собрании В.М. Томича находится значительное количество документов, печатных изданий и фотографий, относящихся к истории флота. Основную часть собрания составляют документы и фотоматериалы, по истории авиации и воздухоплавания, на основе которых В.М. Томичем была написана фундаментальная работа «Русские воздушные силы», не опубликованная при жизни автора (в настоящее время ведется работа по подготовке рукописи к публикации). Среди них немало материалов посвящено морской авиации Российского флота и ее участию в Великой войне.

Большинство материалов, посвященных участию Российского флота в Великой войне, хранящихся в Доме русского зарубежья, до сих пор не введены полностью в научный оборот. Их описание и дальнейшее использование исследователями в работе позволит открыть многие неизвестные страницы военной истории России.

*Куликов Сергей Викторович, к.и.н.,
старший научный сотрудник Отдела новой
истории России Санкт-Петербургского
Института истории РАН*

Управление Российского общества Красного Креста на Юго- Западном фронте во время Великой и Гражданской войны и в эмиграции

Российское общество Красного Креста периода Великой войны в отечественной и зарубежной историографии оказалась как бы заслоненной активностью, проявленной в это время Всероссийскими земским и городским союзами, хотя по объему финансовой поддержки, которую царское правительство оказывало филантропическим организациям военного времени, Красный Крест находился на третьем месте. Не менее важно и другое — в отличие от союзов, уже в первые месяцы войны стремившихся к расширению своей компетенции, в результате чего подача первой медицинской помощи оказалась лишь одним из направлений их деятельности, включавшую в себя снабжение армии, политическую борьбу и т.д., Российское общество Красного Креста в течение всего указанного периода всегда оставалось единственной крупной филантропической организацией, занимавшейся исключительно подачей первой медицинской помощи, и в этом смысле отличалось большей целенаправленностью и эффективностью. Ключевым звеном краснокрестной организации в годы Великой войны стало Управление Российского общества Красного Креста на Юго-Западном фронте, развившее, по сравнению с остальными структурными подразделениями Красного Креста на театре военных действий, наиболее масштабную работу, что объяснялось не только стратегическим значением данного фронта, но и удачной организацией системы учреждений Управления и их персональным составом, как административным, начиная с главноуправляющего Б.И. Иваницкого и его товарища (заместителя) В.Ф. Романова, так и медицинским. Эти факторы способствовали тому, что, в отличие от других краснокрестных управлений, Управление Юго-Западного фронта сохраняло свое имущество и, практически в первоначальном составе, продолжало руководить подачей первой медицинской помощи после падения монархии и большевистского переворота, в ходе калейдоскопической смены режимов на «незалежной» Украине и Гражданской войны. Именно Управление Юго-Западного фронта, в связи с эвакуацией Белой армии, уже в эмиграции, стало основой для воссоздания Российского общества Красного Креста за границей.

*А.В. Марыняк,
старший научный сотрудник Отдела
военно-исторического наследия Дома
русского зарубежья им. А. Солженицына*

Исследования генерал-майора В.В. Чернавина о русском офицерском корпусе периода Великой войны в России и эмиграции

Едва ли не основной работой по состоянию русского офицерского корпуса периода Первой мировой войны на протяжении столетия была статья Генерального штаба генерал-майора В.В. Чернавина (1877–1956), опубликованная в 1924 г. в белградском «Военном Сборнике Общества ревнителей военных знаний». Статья называлась «К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования». В начале своей статьи В.В. Чернавин отмечает: «...особенно ценными среди имеющихся у меня материалов являются сведения, характеризующие состояние командного состава одной из наших армий... к осени 1917 г.», собранные для комиссии, имевшей задачу выработать мероприятия по поднятию боеспособности армии и характеризовавшие как старший, так и офицерский состав пехоты.

Во время работы с материалами Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) нам удалось обнаружить текст доклада Генерального штаба полковника (тогда еще) В.В. Чернавина. Став в эмиграции сотрудником Русского заграничного архива (РЗИА) в Праге, он продолжил свою деятельность по изучению русского офицерского корпуса в годы Первой Мировой войны и накануне ее. По материалам РЗИА, сохранившимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), особенно в фонде самого В.В. Чернавина, мы можем проследить ход этой работы, которая не была заброшена после выхода статьи в «Военном Сборнике», а продолжалась еще многие годы. В.В. Чернавин систематически собирал данные от участников событий, рассылая сформулированные им анкеты, участвуя в опросах тех или иных лиц, выискивая необходимую информацию в многочисленных текстах воспоминаний и исследований, присылавшихся в РЗИА.

На примере В.В. Чернавина мы можем проследить редкий образец, когда начатая еще в России «работа по теме» была продолжена и развита уже в эмиграции. На этом примере мы прекрасно видим невозможность резкого отделения изучения русской истории от истории русской

эмиграции, когда помимо того, что формирование значительной части прошло в России, но, порой сохранялись и темы изучения, начатого еще в России и продолженного в эмиграции. В данном случае мы не имеем морального права ограничиться ни докладом генерал-квартирмейстера 6-й армии Румынского фронта, ни единственной статьей сотрудника РЗИА в белградском журнале; всю эту деятельность надо воспринимать и изучать в совокупности, тем более что нередко военно-историческая и военно-научная работа русских военных эмигрантов стала продолжением их деятельности в России.

*А.А. Мелитонян, к.и.н.,
председатель правления АНО «Народный архив»,
профессор Московского гуманитарного университета,
действительный член Национальной академии филологии
Е.С. Рубанова,
библиограф Российской государственной библиотеки по
искусству, аспирант МГХПА им. С.Г. Строганова*

Первая Мировая война на почтовых карточках художника Сергея Соломко и издательства Ильи Лапина в Париже из коллекции В. Крепостнова

С.С. Соломко (1867–1928) — русский художник, акварелист, график, родился в Санкт-Петербурге в семье полковника гвардии (с 1880-х генерал-майора) С.А. Соломко и О.Ф. Соломко. Он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, позже был вольнослушателем Академии художеств. Его можно по праву назвать художником-универсалом. Помимо книжных иллюстраций и работ в прикладной графике (эскизы для афиш, создание рекламных плакатов, открыток, театральных программ) С.С. Соломко имел опыт в ювелирном деле, сотрудничал с фирмой Фаберже и с Императорским фарфоровым заводом, занимался монументальным искусством и скульптурой, по его эскизам изготовлялись платья.

В 1910-х гг. С.С. Соломко переехал во Францию, в Париж, где начал сотрудничество с парижским издателем И.С. Лапиным, выпускавшим почтовые карточки и другую художественную продукцию: гравюры, эстампы и иллюстрации. Точная дата основания издательства на данный момент неизвестна, но есть документы, свидетельствующие о начале активной деятельности Лапина на российском рынке в 1911 г. К концу Первой мировой войны сотрудничество издательства с охваченной революцией Россией прекратилось, но его открытки продолжали выходить во Франции.

Почтовые карточки по рисункам С.С. Соломко, выпущенные издателем в период Великой войны, издававшиеся не только для граждан Франции, но и для русских эмигрантских кругов, выделяются и в творчестве самого художника, и в издательской деятельности И.С. Лапина. На двух из них помещены портреты русских генералов Н.А. Лохвицкого и М.Д. Нечволодова. «Страны-участницы войны» представлены серией открыток с аллегорическими изображениями женщин и государственными гербами. Тема мужества раскрыта в сюжетных композициях, сопоставляющих духовный и военный подвиг. «Патриотическая серия» проникнута отражением роли Франции в Первой мировой войне. В еще одну серию можно объединить почтовые карточки, иллюстрирующие конкретные эпизоды войны.

*Е.М. Миронова, к.и.н.,
старший научный сотрудник Института
всеобщей истории РАН*

Русская небольшевистская дипломатия о вопросах войны, защите интересов России на международной арене, создании основ русского Зарубежья

Распространенным заблуждением в отечественной исторической науке является, что МИД был последовательным сторонником войны до победного конца. Для периода после февральской революции, однако, в этом вопросе надо разделять центральный аппарат и заграничные представительства ведомства. Если сотрудники первого не могли не видеть, что происходит со

страной и армией, то для Заграничного корпуса России эта эволюция была чрезвычайно затруднена чрезвычайно скудными, зачастую искаженными сведениями о состоянии страны. После прихода к власти большевиков центральное ведомство прекратило свое существование, заграничный же корпус заявил о продолжении своей деятельности на платформе прежнего правительства, что подразумевало в том числе и верность делу союзников.

Все комбинации дипломатов конца 1917–1918 гг. создавались в рамках военной доктрины и предполагали сотрудничество с союзниками.

Главными направлениями деятельности дипломатического корпуса в 1918 г. были поиск той силы, на которую можно сделать ставку в борьбе с большевиками, создание национального Всероссийского правительства, это имело самое непосредственное отношение к вопросу окончания войны и обеспечения ее представительства на мирном конгрессе.

В этой связи дипломаты проделали огромную работу, но добиться от союзников участия в конгрессе, который делил барыши победы и решал послевоенные судьбы Европы, не смогли.

Частью своей непосредственной деятельности в деле попечения об интересах страны и ответственности перед соотечественниками дипломаты считали заботу о русских военнопленных, вопрос о которой они подняли непосредственно после подписания перемирия.

Оборотной стороной расширения и углубления изучения Русского Зарубежья является стремление «изолировать» тот или иной слой, группу от общего хода жизни русской эмиграции. Между тем, артисты, ученые, писатели или военные были прежде всего людьми и перед всеми ними одинаково стояли общечеловеческие задачи выживания: поиска своего нового места вне страны, занятости, оформления документов и т.д.

Последняя часть доклада будет посвящена заложению дипломатами основ Русского Зарубежья весной 1920 г.

*Е.Н. Наземцева, к.и.н.,
научный сотрудник Научно-
исследовательского института военной
истории Военной Академии Генерального
Штаба ВС РФ*

Первая мировая война в историографии русской военной эмиграции: диалектика источника и научного анализа

Интеллектуальное наследие Русского Зарубежья — огромный пласт научной, мемуарной, художественной литературы. Первая мировая война оказалась тем пограничным и одновременно ключевым фактором, который, сыграл роковую роль в событиях начала XX в. Она получила подробное освещение в трудах представителей эмигрантской ветви русской историографии.

Однако на повестку дня встал вопрос теоретико-методологического характера: рассматривать ли труды русских эмигрантов как источник или как научную литературу? Авторами трудов по истории Первой мировой войны в большинстве своём являлись её непосредственные участники. Поэтому научный анализ осуществлялся через призму воспоминаний и впечатлений. Степень влияния их личных впечатлений на глубину анализа и объективность выводов была различной. Подчас грань между мемуаристикой и научным исследованием, предполагающим непредвзятый взгляд на изучаемые процессы и события, основанный на широком круге источников высокой степени репрезентативности с применением научных подходов и концепций, оказывалась «стертой».

Тем не менее, в трудах, авторами которых в основном являлись представители военной элиты, определявшие своей непосредственной задачей научное освещение событий Первой мировой войны, этот баланс в основном соблюдался.

*А.А. Петров,
старший научный сотрудник Отдела
военно-исторического наследия Дома
русского зарубежья им. А. Солженицына*

Память о подвигах частей Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, сохраненная в русской эмиграции

Части Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи (6 пеших и 6 конных полков с артиллерией и Заамурская железнодорожная бригада) были созданы для охраны полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. В 1915 г. они были вызваны на фронт Великой войны и в составе различных соединений покрыли себя славой в боях, заслужив прочную боевую репутацию. Сохранение памяти об этих подвигах стало заслугой их ветеранов, создавших в эмиграции в г. Харбине «Общество взаимопомощи бывших Заамурцев» (председатель общества — генерал Н.Г. Володченко). В первую очередь их историю кропотливо собирали полковник Н.В. Орлов и ротмистр А.В. Богословский (описывавший подвиги Заамурской конницы). В 1940 году Н.В. Орлов подготовил к печати обобщающий труд «Заамурцы, 1898–1917: Исторический очерк в пяти частях», который, к сожалению, пока так и не увидел свет.

*А.В. Посадский, д.и.н.,
профессор Поволжского института
управления им. П.А. Столыпина РАНХ и ГС*

Генерального штаба полковник В.К. Манакин: участие в Великой войне и общественно-политическая деятельность в эмиграции

Генерального штаба полковник В.К. Манакин — представитель своего поколения служилого слоя России. Участвует в Великой войне, имеет награды. В 1917 г. выступает инициатором неоднозначного начинания в пореволюционной армии — революционных батальонов волонтеров тыла. Незаслуженно получает репутацию «левого». Одним из первых поднимает оружие против большевиков. Выступает зачинателем идеи создать саратовское боевое формирование с целью освободить губернии России силами местного населения. Разрабатывает систему формирования такой армии с целью обеспечить ее надежность. Смелая идея воплотилась лишь отчасти, в виде Саратовского корпуса, прошедшего боевую страду в ноябре 1918 — марте 1919 г. В Вооруженных Силах Юга России как «левый» и «германofil» не имел продвижения. П.Н. Врангелем признан нежелательным в Крыму. В эмиграции в Загребе.

Жизнь в Зарубежье оказывается чрезвычайно насыщенной. Манакин выступает как журналист, предприниматель, спортсмен. Выявленные документы позволяют проследить вехи его общественной активности. Он состоит в Русском сокольстве. При этом оказывается вовлечен в раскол в этой организации с озвучиванием своей позиции. Состоит и в Народно-трудовом союзе, что не очень характерно для представителей офицерства его поколения. В 1935 г. был опубликован призыв Манакина к «ударникам» 1917-го года с предложением связываться и консолидироваться. В конце 1930-х сотрудничает с генералом Н.Н. Головиным в деле разработки доктрины национальной России. Преодоление материальных трудностей сразу же ставит его в ряды активных национальных сил.

Таким образом, в судьбе В.К. Манакина выявляется довольно редкий тип штаб-офицера Императорской армии, оказавшегося способным к военному строительству на новых условиях в пореволюционной России, сохранивший свежесть политического мышления и свои представления о народе и роли Зарубежья, и использовавшего любые возможности для политической деятельности.

*Л.П. Рудакова,
Научный сотрудник Военно-исторического
музея артиллерии,
инженерных войск и войск связи
Санкт-Петербург*

Поручик лейб-гвардии Семеновского полка С.Н. Михалевский: служба Родине и жизнь в эмиграции (1896–1982)

Коллекция материалов и документов из личного архива С.Н. Михалевского, поступившая в фонды Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи из США в апреле 2003 г. от его супруги, Ольги Николаевны Михалевской, была систематизирована в 170

архивных дел и учтена по фонду 60 (Коллекция документов Сергея Михайловича Михалевского) описи № 1 в научно-историческом архиве музея.

Эти документы включают в себя главным образом материал, освещающий историю лейб-гвардии Семеновского полка в период 1913–1917 гг.: воспоминания семеновцев, опубликованные в различных эмигрантских изданиях за 1921–1928 гг.; фотографии командиров полка с 1899 по 1917 гг.; журналы «Часовой», «Перезвон» и «Семеновский бюллетень»; вырезки из газет и журналов на разные сюжеты, касающиеся истории России.

С.Н. Михалевский родился 15 апреля 1896 г. в Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян. По окончании 1-й виленской гимназии в 1914 г. поступил в императорский Александровский лицей. В апреле 1916 г. он решил покинуть лицей, чтобы принять участие в защите отечества, поступив вольноопределяющимся в запасной батальон лейб-гвардии Семеновского полка. Затем поступил на ускоренные курсы Пажеского корпуса и, окончив их 1 февраля 1917 г. (последний выпуск) с производством в подпоручики, вернулся в лейб-гвардии Семеновский полк. Участвовал в боевых действиях. Был награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и произведен в поручики.

После революционных событий в октябре 1917 г. вышел в отставку и проживал в Петрограде. Служил в Отделе по охране памятников искусства и старины Петроградского окружного комиссариата по просвещению. В 1919 г. покинул Петроград, чтобы избежать ареста, и добрался до Югославии, чтобы оттуда попасть в Добровольческую Армию, но к тому времени в этом уже не было необходимости.

В Югославии С.Н. Михалевский поступил на службу в контору лесопильного завода, женился на одной из дочерей полковника русской армии А.А. Евреинова — Нине Александровне. В 1922 г. у них родился сын Александр, а в 1923 г. второй сын — Николай. В 1924 г. С.Н. Михалевский с женой и двумя малолетними детьми прибыли в Америку. Он хорошо рисовал, и его деятельность в Соединенных Штатах, как правило, всегда была связана с рисованием.

С началом Второй мировой войны жизнь семьи переменилась. Подросшие сыновья со студенческой скамьи ушли добровольцами в американскую армию. Сам Сергей Николаевич перешел на службу в компанию, занимавшуюся строительством военных кораблей для нужд Европы, работая чертежником в конструкторском бюро. После войны работал переводчиком в библиотеке Конгресса в Вашингтоне и прослужил на этом посту до 1962 г. Выйдя в отставку, он много занимался общественной деятельностью. Состоял членом различных обществ. Собирал и хранил в домашнем архиве различные материалы, касающиеся военной истории России. Три раза приезжал к младшей сестре Татьяне в Ленинград и, по воспоминаниям его жены, был очень счастлив в своем родном городе.

Скончался Сергей Николаевич 16 ноября 1982 г. Похоронен на кладбище Коломбия Гарденс в Арлингтоне, штат Вирджиния.

*Л.Д. Сабуров, д.и.н.,
главный научный сотрудник
Центрального музея ВС РФ*

Архивные документы Российского государственного военно-исторического архива, экспонаты, переданные российско-американским обществом «Родина», музейные предметы из фондов Центрального музея Вооруженных Сил РФ в экспозиции «Русская армия, ее союзники и противники в Первой мировой войне 1914–1918 гг.»

15 мая 2014 г. в Центральном музее Вооруженных Сил РФ открылся новый зал «Русская армия, ее союзники и противники в Первой мировой войне 1914–1918 гг.». В экспозиции впервые представлены экспонаты, переданные Центральному музею Вооруженных Сил дочерью генерал-лейтенанта А.И. Деникина Мариной Деникиной, российско-американским обществом «Родина», потомками генерал-лейтенанта А.В. Шварца из Аргентины. На основе архивных документов, литературы раскрывается роль военачальников, офицеров в Первой мировой войне 1914–1918 гг.

Имена полководцев Первой мировой войны — лидеров белого движения А.И. Деникина, Н.Н. Юденича, их вклад в разработку и проведение боевых операций по идеологическим причинам долгое время замалчивались.

Экспонаты, переданные Центральному музею Вооруженных Сил российско-американским обществом «Родина», в число которых вошло холодное оружие офицеров Русской армии, участников Первой мировой и Гражданской войн, в том числе - образцы наградного Георгиевского оружия:

- Наградное Георгиевское оружие (шашка офицерская казачья образца 1904 г.) генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина;
- Френч генерала А.И. Деникина с погонями. Россия, 1918 г.;
- Шашка офицерская наградная образца 1881 г. «Золотое оружие за храбрость» генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича;
- Башлык генерала от кавалерии Николая Николаевича Баратова;
- Шинель генерал-лейтенанта Алексея Владимировича Шварца;
- Кортик наградной офицерский «Георгиевское оружие» начальника штаба Балтийского флота вице-адмирала Л.Б. Кербера, который был им награжден за отличия в военной кампании 1914 г. на Балтийском море;
- Почетная сабля линейного корабля «Императрица Мария». Заказывалась на средства кают-компании. Представленный экземпляр — единственный сохранившийся и известный в настоящее время, принадлежал вахтенному офицеру линкора «Императрица Мария» лейтенанту Г.Р. Вирену.

Одной из реликвий музейной коллекции является полковое знамя лейб-гвардии Финляндского полка образца 1900 г., врученное в год столетия полка в 1906 г. С новым юбилейным знаменем полк участвовал в Первой мировой войне. Офицеры полка пронесли знамя по фронтам Гражданской войны, а после разгрома войск генерала П.Н. Врангеля в конце 1920 г. вывезли его во Францию. В 1949 г. последний хранитель знамени В. Ушаков через МИД СССР передал его в музей.

П.Н. Стрелянов-Калабухов

Генерал-майор А.Е. Егоров и его неизвестные воспоминания о Великой войне

Воспоминания Генерального Штаба генерал-майора А.Е.Егорова (1881–1957), прошедшего четыре войны, написаны в эмиграции в Каракасе (Венесуэла) в 1954 г.

В мемуарах рассказывается об офицерской службе в мирное время, учебе автора в Императорской Николаевской военной академии и большая часть — о боях и сражениях трех войн: Русско-японской, Великой и Гражданской на Юге России, в которых А.Е. Егоров лично участвовал. В воспоминаниях описаны встречи или совместная служба с генералами А.М. Драгомировым, Н.Н. Духониным, П.К. Ренненкампом, Р.Д. Радко-Дмитриевым, Н.Г. Бабиным, авиаконструктором И.И. Сикорским.

Основная часть доклада будет уделена Великой войне 1914–1918 гг.

*В.А. Толстов, к.и.н,
доцент кафедры философии
Рязанского государственного
университета им. С. А. Есенина*

Деятельность Сергея Николаевича Крейтона (1876–1927) в годы Первой мировой войны и в эмиграции в Югославии

Известный библиофил и коллекционер, полковник русской армии С.Н. Крейтон 13 августа 1915 г. был назначен командиром 242-го пехотного Луковского полка, с которым вступил в Первую мировую войну, с августа по октябрь 1917 г. командовал лейб-гвардии 1-м Стрелковым полком. В октябре-декабре 1918 г. командир 2-го отдела Киевской добровольческой дружины генерала Л. Кирпичева в гетманской армии в Киеве. Позже уполномоченный Российского Общества Красного креста в Турции. Затем — в эмиграции в Югославии, чему и будет посвящена значительная часть доклада.

*С.Ю. Фоменко,
архитектор, историк архитектуры*

Военно-мемориальные комплексы Первой мировой войны на Балканах, созданные русскими архитекторами-эмигрантами в 1920–1930-х гг.

Память о масштабности кровопролития и беспрецедентности исторических последствий Первой Мировой войны хранят военно-мемориальные комплексы, разбросанные по всей Европе. Участие России в Великой войне было запечатлено в зарубежных некрополях многочисленными захоронениями русских воинов. Особый интерес представляют мемориальные места на Балканах, где во время Первой мировой войны в период с августа 1914 г. по октябрь 1917 г. участвовали в боях русские солдаты и офицеры. Самые значительные комплексы были возведены в 1920–1930-х гг. архитекторами-эмигрантами из России, непосредственными участниками событий тех лет. В их произведениях, как ни в чьих других, проявилось стремление сохранения памяти человеческой жертвенности. Архитектурный мемориал-усыпальница «Памятник Русской Славы» на русском участке Нового кладбища в Белграде, созданный Р.Н. Верховским и В.В. Сташевским в 1935 г. по идее полковника М.Ф. Скородумова, стал одним из редких памятников в мире, посвященных подвигу русского воинства в годы Великой войны и императору Николаю II, поддержавшему национально-освободительную борьбу балканских народов. Архитектор и скульптор Верховской стал автором шести исторических памятников, посвященных Первой мировой войне. Работы академика Н.П. Краснова на острове Видо и на союзническом кладбище Зейтинлик в Салониках нашли архитектурное воплощение скорбной памяти о русских и сербских жертвах Первой мировой войны, павших на Балканском фронте. Архитектурное своеобразие этих комплексов — хранителей свидетельств Великой войны — причисляет их к числу самых зрелых воплощений мирового мемориального зодчества.

*В.Ж. Цветков, д.и.н.,
профессор Московского педагогического
государственного университета*

Оценка роли генерала М.В. Алексеева в разработке вопросов стратегического планирования в годы Великой войны в литературе Русского Зарубежья

О значении военных талантов генерала М.В. Алексеева во время Первой мировой войны написано в Русском Зарубежье немало. Однако оценки эти неоднозначны. Заметную роль сыграли здесь два фактора. С одной стороны — рассматриваются политические позиции генерала и через посредство данных оценок дается характеристика его военным способностям. Это отличает, в частности, И.Л. Солоневича, И.П. Якобия, В.С. Кобылина, отчасти А.А. Керсновского. Особое место занимают работы полковника И.К. Кириенко и генерала П.Н. Краснова.

С другой стороны, Алексеева особо отмечали военные, оказавшиеся в Зарубежье. Среди них прежде всего следует выделить тех, кто был рядом с Алексеевым: полковника Б.В. Сергеевского, генералов В.Е. Борисова, В.И. Гурко, контр-адмирала А.Д. Бубнова, вице-адмирала Д.В. Ненюкова. Их оценки давались, исходя из заслуг генерала в конкретных операциях. Особенно следует выделить работы генерала Н.Н. Головина, где без излишней идеализации, взвешенно рассматривается участие генерала в разработке предвоенных планов и в операциях начального этапа войны (Галицийской битвы).

В современной российской историографии и исторической публицистике, бытует подчас не критическое восприятие позиций эмигрантских авторов. Для объективной оценки военно-стратегического наследия Алексеева надо больше внимания уделить публикации документов.

*Д.Н. Шилов, к.и.н.,
старший научный сотрудник Российской
национальной библиотеки*

Первая мировая война в мемуарах последнего министра иностранных дел Российской империи Н. Н. Покровского

Государственная деятельность Николая Николаевича Покровского (1865–1930) остается пока для российской историографии даже не недооцененной, а как бы не бывшей вообще. Покровский был причастен к крупнейшим законодательным работам своей эпохи, стал инициатором и движущей силой некоторых из них (например, законопроекта о введении подоходного налога), достиг высших административных постов. Тем не менее, за три четверти века, прошедших с момента его смерти, о нем не написано почти ничего.

Это тем более удивительно, поскольку после 1917 г. Н.Н. Покровским были созданы пять содержательных мемуарных очерков, посвященных различным этапам его служебной деятельности и доведенных до событий Февральской революции. Эти тексты (кроме одного из них) никогда не публиковались и редко используются исследователями, особенно самый обширный из них, связанный с событиями Первой мировой войны. Он был написан Николаем Николаевичем уже в эмиграции и хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в США.

В мемуарах о годах войны Н.Н. Покровский описывает следующие сюжеты: «Объявление войны. Мобилизация», «Деятельность в различных центральных благотворительных учреждениях», «Назначение государственным контролером. Чиновники ведомства. Мероприятия ведомства. Взаимоотношения с Думой», «Совещание по финансовым и экономическим вопросам», «Парижская экономическая конференция», «Назначение министром иностранных дел», «Состав дипломатического корпуса в Петрограде. Внешнеполитические вопросы. Конференция представителей союзных держав в Петрограде» и др.

Нет сомнения, что мемуары Н.Н. Покровского представляют собой важнейший источник по истории государственного управления России в годы Первой мировой войны. В настоящее время ведется их подготовка к научной публикации.